

Еще раз о стихотворении Пушкина «Есть роза дивная. Она...»*

Существуют в истории литературы произведения-загадки, разрешить которые до конца не представляется возможным. К таковым относится пушкинское стихотворение «Есть роза дивная. Она...», при жизни Пушкина не печатавшееся и опубликованное впервые в 1859 г. По поводу этого стихотворения высказывались разные мнения, но все его трактовки на сегодняшний день остаются гипотетическими. Автор настоящей статьи также уже излагал свой взгляд на обстоятельства появления стихотворения¹, однако при новом обращении к пушкинскому тексту стала очевидной недостаточность предложенной аргументации. Привлечение более широкого контекста если и не позволяет вполне разрешить загадку стихотворения, то, во всяком случае, дает больший простор для предположений и отчасти помогает разобраться с его датировкой.

Н. О. Лернер, П. О. Морозов, М. А. Цявловский не сомневались в том, что это комплиментарное послание какой-нибудь московской красавице². Как замечал Д. Д. Благой, «по содержанию это стихотворение — словно бы блистательный мадригал»³.

Такое определение, казалось бы, оправдывается и формальными признаками, и тем бытовым и биографическим фоном, на котором создавалось стихотворение. Вырвавшись из михайловского заключения, Пушкин окунулся в жизнь московского света. Знакомство и общение с интеллектуальной молодежью, серьезные занятия литературными делами, заботы о новом журнале («Московский вестник») не отменяли тех удовольствий, которые предлагала Москва с ее семейными вечерами,

* Приношу искреннюю благодарность И. С. Чистовой за ценные замечания, учтенные при написании этой статьи.

¹ *Дмитриева Н. Л.* К истории создания стихотворения А. С. Пушкина «Есть роза дивная. Она...» // РЛ. 1998. № 1. С. 54—57.

² См.: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1910. Т. 4. С. XXXII; *Пушкин*. Соч. Пг.: Изд. Импер. Академии наук, 1916. Т. 4. Примеч. С. 342—343; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 753.

³ *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 148.

балами, гуляньями, празднествами, где завязывались счастливые и несчастливые романы, где сплетничали о любовных историях — от легких ухаживаний до подлинных сердечных трагедий. 15 сентября 1826 г. Ф. И. Малевский сообщал сестре московские новости: «Пушкин молодой и известный поэт, здесь. Альбомы и лорнеты в движении...»⁴ «Говоря о Москве, нельзя умалчивать о первой ее красе — ее девицах, — писал близкий приятель Пушкина А. Н. Вульф. — Искони ими она богата и славится»⁵. П. А. Вяземский именовал первых красавиц Москвы «московскими розами». Это были сестры Римские-Корсаковы, сестры Киндяковы, поэтесса Екатерина Тимашева. Средней сестре Киндяковой Елизавете, «московских роз царице и красе», посвящено стихотворение Вяземского «Запретная роза»⁶. Соперницей «запретной розы» Пушкин назвал красавицу Тимашеву в адресованном ей послании «Я видел вас, я их читал...» (1826), где выражал свое восхищение ее обаянием, женственностью, живым умом, поэтическим даром (Тимашева была автором лирических стихов, в том числе двух стихотворных обращений к Пушкину — «Послание к учителю» (1826) и «К портрету Пушкина» (1826)). В феврале 1827 г. Н. М. Языков писал А. Н. Вульфу из Дерпта: «О Пушкине ничего не слышно; в половине прошлого месяца я писал к нему в Москву — но ответа не получил. Полагаю, что он загулялся в белокаменной, занят очарованием тамошних красавиц...»⁷ Предположения Языкова, надо думать, были справедливы: 9 ноября 1826 г. из Михайловского Пушкин писал Вяземскому: «Что запретная роза? Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу! Но и это не ушло» (Акад. Т. 13. С. 305).

Мадригал «Есть роза дивная...» вполне мог быть альбомным комплиментом, обращенным к той или иной московской «розе», и его эстетическое значение и художественный смысл этим бы и ограничивались. Однако характер автографа заставляет заподозрить выходящее за формальные рамки дополнительное, понятное только посвященным значение. Стихотворение дошло до нас в черновом автографе (ПД 901). На обороте листка с пушкинским черновиком рукой С. А. Соболевского записан полный текст стихотворения, под которым им же сделана помета: «1 апреля 1827 Москва».

⁴ ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 264.

⁵ Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 379.

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 195 (Б-ка поэта; Большая серия) (имя «запретной розы» было обусловлено несчастливим браком Киндяковой с князем И. П. Лобановым-Ростовским).

⁷ Вульф А. Н. Дневники. С. 87.

Из автографа явствует, что Пушкин изначально собирался писать не об одной, а о трех розах. Первая строка: «Три розы на свете цветут» — была зачеркнута. Эта строка позволяет соотнести пушкинский «мадригал» со стихотворением Д. В. Веневитинова «Три розы». Связь между двумя стихотворениями была отмечена еще Н. О. Лернером⁸. В «Трех розах» Веневитинов обратился к одному из наиболее распространенных мифопоэтических образов. Стихотворение четко делится на три части, в каждой из которых варьируется тема судьбы брошенных богами на землю эдемских цветов («свежее роза расцветает» — «но с каждым днем цветет опять» — «не расцветет опять она»⁹). Первая воспетая Веневитиновым роза, символизирующая бесконечность высокого искусства, цветет «под небом Кашемира». Этот образ приводит на ум имя писательницы, любительницы музыки, певицы, хозяйки одного из самых знаменитых московских салонов Зинаиды Александровны Волконской. Ее перу принадлежала написанная на французском языке новелла «Дитя Кашемира» («L'enfant de Kachemug», 1819), где трагически-романтический сюжет развивался на фоне праздника цветения роз. Близкий во второй половине 1820-х гг. кругу Любоумров А. Н. Муравьев так писал о «блестящем доме» Волконской и его хозяйке: «Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему Меценату и приятно встречали друг друга на ее блистательных вечерах, которые умела воодушевить с особенным талантом. <...> ...был один юный даровитый поэт <...> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистою, но страстную любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу, хотя княгиня, дружная с его семейством, оказывала ему нежную приязнь. Много обещал в будущем молодой Веневитинов...»¹⁰ История трагической неразделенной любви Веневитинова к Волконской известна. Любовь его была особенной: Волконская была для него не просто прекрасной женщиной, но своеобразным символом, живым воплощением творчества.

По замечанию Е. А. Боброва, «любовь нашего поэта, как и следует ожидать от такого глубокого эстетика <...> носила высоко идеальный,

⁸ См.: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 4. С. XXXII.

⁹ *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 50—51.

¹⁰ П. в восп. Т. 2. С. 43—44.

чисто платонический характер»¹¹. Веневитинов, посвятивший Зинаиде Волконской несколько стихотворений, пишет о своей любви как об идеальной; его любовь — романтически отвлеченная, высокая, лишенная чувственности. Он обожествляет предмет своего поклонения, и потому третья, самая земная роза из его стихотворения, та, что «не в небесах», «скоро вянет»:

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет;
Она пуглива и нежна;
И тщетно утра луч проглянет:
Не расцветет опять она.¹²

Пушкин, намеревавшийся писать о трех розах, пишет только об одной. В его стихотворении названы античные Кифера и Пафос — места, связанные с культом богини любви, и воспетая им «неувядаемая роза» — это чувственная любовь, цветок Венеры.

Мы можем только предполагать, как именно были связаны стихи Пушкина и стихи Веневитинова. Реальные обстоятельства написания обоих стихотворений до конца неясны. Отдельные сохранившиеся свидетельства оставляют возможность произвольного толкования и породили различные версии относительно смыслового содержания пушкинского стихотворения и времени его создания. Помета «1 апреля» в копии не облегчает, а, скорее даже, усложняет задачу. Закрепленный за этой датой признак пародийности, розыгрыша, с одной стороны, вроде бы указывает на шутивно-иронический смысл пушкинского восьмистишия¹³, с другой — заставляет усомниться в том, что речь идет о фактическом времени его создания.

Ответ на вопрос, возможно ли считать помету «1 апреля 1827» датой создания стихотворения, повлек за собой различные интерпретации пушкинского текста. Высказывалась, например, весьма сомнительная версия о «поминальном» характере стихотворения: помета «1 апреля 1827 Москва» рассматривается как дата написания стихотворения-эпитафии накануне погребения Веневитинова. Вене-

¹¹ Бобров Е. А. Поэзия Д. В. Веневитинова в связи с его жизнью // Бобров Е. А. Литература и просвещение в России в XIX в.: Материалы, исследования и заметки. Казань, 1901. Т. 1. С. 37.

¹² Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. С. 50—51.

¹³ См.: *Благой Д. Д.* 1) Подлинный Веневитинов // Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 26; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). С. 148—149.

витинов умер от горячки в Петербурге 15 марта 1827 г., в литературе приводится дата похорон в Москве — 2 апреля¹⁴. Представляется, однако, более чем странным ставить дату «1 апреля» (в любом случае не дату смерти!) в эпитафии. Весьма туманна и идея стихотворения, если толковать его как эпитафию.

Автор данной статьи ранее предположил, что в пушкинском восьмистишии отозвалась творческая полемика Пушкина с Веневитиновым. Поэты общались в Москве хоть и недолго (сентябрь — конец октября 1826 г.), но творчески интенсивно. В течение этих двух месяцев Пушкин был частым гостем у Веневитиновых, бывал он и в салоне Волконской. Вероятно, он был в курсе не только интеллектуальных, творческих интересов и занятий своих молодых друзей-философов, но и их сердечных переживаний. Конечно, Пушкин должен был знать, как глубоко страдал Веневитинов от неразделенного чувства к обожествляемой им Волконской: «Любовь Веневитинова не была вообще тайной ни для друзей, ни для близких...»¹⁵. При этом при всей своей симпатии к Веневитинову и веневитиновскому кружку философские взгляды любомудров Пушкин не разделял. «Пушкин на чистую теоретическую философию всегда откликнулся туго, питал к ней чувство уважения и почтения, но отнюдь не любви»¹⁶. К весне 1827 г. он уже выказывает явное раздражение философской направленностью «Московского вестника», вдохновителем которого был Веневитинов: «ненавидит» и «презирает» «немецкую метафизику» (письмо Пушкина к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г. — Акад. Т. 13. С. 320), «декламирует против философии» (запись в дневнике М. П. Погодина от 4 марта 1827 г.¹⁷). «Молодые философы вывели Пушкина из терпения, когда плели свою тонкую паутину отвлеченностей на его глазах, привыкших к пластическим и осязаемым формам»¹⁸. Естественно предположить, что беседы Пушкина с поэтом и философом-любомудром Веневитиновым, литературных и мемуарных свидетельств о которых, впрочем, не сохранилось¹⁹, принимали

¹⁴ См.: *Грибушин И. И.* «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихотворение Пушкина о трех розах // *Жанр и композиция литературного произведения*. Калининград, 1976. С. 36.

¹⁵ *Кубасов И. А.* Княгиня З. А. Волконская. Записка к С. В. Веневитиновой // *Литературные портфели: Статьи, заметки и неизд. материалы по новой рус. литературе из собраний Пушкинского Дома. I: Время Пушкина*. Пб., 1923. С. 88.

¹⁶ *Котляревский Н. А.* Старинные портреты. СПб., 1907. С. 89.

¹⁷ П. в восп. Т. 2. С. 15.

¹⁸ *Котляревский Н. А.* Старинные портреты. С. 89.

¹⁹ Есть, правда, упоминание в письме Пушкина к Дельвигу от 2 марта 1827 г. о посланном им Веневитинову «суровом письме» (Акад. Т. 13. С. 320). В ответном письме Дельвига, написанном уже после кончины Веневитинова, есть такие не

порой характер творческого спора. Стихотворение «Есть роза дивная...» может быть осмыслено в контексте этих споров — как своего рода полемический ответ на «Три розы». Стихотворение Веневитинова содержало характерную для московских «метафизиков» идею, утверждающую приоритет «презираемых» Пушкиным «отвлеченностей», чуждую ему отрешенность от подлинной живой жизни (небесная роза вечна — это роза дантовского Рая, образ универсума и высшего блаженства; та же роза, что «не в небесах», вянет).

Однако версия о полемическом характере пушкинского восьмистишия правомерна в том случае, если Пушкину были известны стихи о трех розах до смерти Веневитинова. Стихотворение Веневитинова появилось в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» на 1827 г., вышедшем из печати между 25 и 28 марта 1827 г.²⁰ Мог ли Пушкин быть знаком с его «Тремя розами» до их публикации? Более чем вероятно. Цензурное разрешение альманаха датировано 18 января 1827 г., и, соответственно, «Три розы» были переданы Веневитиновым Дельвигу раньше. Известно, что большинство своих стихотворений, в том числе и связанных с именем Волконской, Веневитинов написал в Петербурге, где жил с ноября 1826 г., но «Три розы» могли быть написаны и ранее, в Москве. Во всяком случае, в петербургских письмах поэта, регулярно посвящавшего друзей в свои литературные дела, стихотворение не упоминается. В той же книжке «Северных цветов» Веневитинов, например, напечатал «Песнь грека», относящуюся еще к 1825 г. В первой части посмертного издания «Сочинений» Веневитинова (М., 1829), подготовленном его братом и друзьями, стихотворение датировано 1826 г., без указания месяца и места написания.

Обратимся снова к помете Соболевского под текстом пушкинского стихотворения «Есть роза дивная...». Если считать его полемичным по отношению к «Трем розам» Веневитинова, помета «1 апреля» может рассматриваться как своего рода указание на иронический характер стихотворения, но не как точная дата его написания. А поскольку в годе сомневаться не приходится, то датировать его в этом случае должно январем — первой половиной марта 1827 г.

Существует, однако, и несколько иная гипотеза, которая также оставляет за пометой «1 апреля» лишь иронический смысл, но предполагает другую датировку: «Дата “1 апреля” могла возникнуть в процессе совсем ясные слова: «Письмо твое ко мне или обо мне не дошло до меня, только оно дало пищу больному воображению несчастного друга (Веневитинова. — Н. Д.). Он бредил об нем и все звал меня» (Там же. С. 325).

²⁰ См.: *Синяевский Н., Цяловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 42.

обсуждения или копирования стихов, как литературная шутка, или даже быть проставлена самим Соболевским», а сам мадригал написан вскоре после смерти Веневитинова, когда «история неразделенной любви поэта <...> стала предметом разговоров в московских кружках»²¹. Действительно, в это время порой открыто проявлялось негативно-осуждающее отношение к Волконской, с безответной любовью к которой обывательское мнение связывало скоропостижную кончину Веневитинова. 6 апреля 1827 г. М. П. Погодин записывает в дневнике: «Завтрак у меня. Представители русской образованности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, Аксаков, Верстовский, <А.> Веневитинов <...>. Говорили о Дмитрие Веневитинове, о страсти его к княгине Волконской. Она искала в нем свежего юношу... он боялся прикоснуться к божественному идеалу. Она мелка»²². «“Мадригал” Пушкина пишется как раз в эти дни. Если он и не адресован прямо Волконской, то связан с ней косвенной ассоциацией — через стихи Веневитинова»²³. В этом случае пушкинское стихотворение датируется временем после смерти Веневитинова (Соболевский и, соответственно, Пушкин узнали о ней 20 марта²⁴), еще более вероятно — после похорон, то есть началом апреля.

В. Э. Вацуро ввел в поле зрения исследователей анекдот из записок кишиневского приятеля Пушкина В. П. Горчакова. Возможно, этот анекдот заслуживает более пристального внимания. Тут многое явно выдуманно, но само происшествие, судя по всему, реальное, и отдельные детали могут иметь определенное смысловое значение, а не просто быть украшением рассказа. Случай относится уже ко времени возвращения Пушкина из ссылки и рассказан Горчакову кем-то, кто был вхож в салон некоей «светской затейницы, избалованной каждением многих»²⁵.

²¹ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // ПИМ. Л., 1989. Т. 13. С. 239—240.

²² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 304. Любопытно отметить, что в повести М. П. Погодина «Адель», написанной в 1830 г., где рассказывается история любви рано умершего юноши Дмитрия, в портрете которого можно усмотреть черты Веневитина (см.: Котляревский Н. А. Старинные портреты. С. 99—100), описаны «ужасы большого света» — «гнезда разврата сердечного». «Ни одна высокая мысль не сверкнет в этой удушливой мгле, ни одно теплое чувство не разогреет этой ледяной коры. Люди не благоговеют там перед гением <...> у этих людей нет ни одной минуты, в которой бы они могли предаться свободно своему сердцу или уму» и т. д. (Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. С. 277).

²³ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 239.

²⁴ П. в восп. Т. 2. С. 15.

²⁵ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 1. С. 236. В начале 1830-х гг.

«Светская затейница» названа Горчаковым «Аделаидой Александровной» — обращает на себя внимание сходство звучания Аделаида / Зинаида («прозрачная зашифровка имени»²⁶). Один из посетителей салона Аделаиды Александровны, «поклонник, вроде прислужника», обозначенный как «Андрей Андреевич», сильно напоминает Андрея Николаевича Муравьева, адресата едких эпиграмм Баратынского, Пушкина и, позднее, Соболевского. «Аделаида Александровна» просит, а вернее, требует от Пушкина написать что-нибудь ей в альбом. После безуспешных попыток отказаться («я не мастер писать в альбомы») Пушкин уносит альбом с собой. Когда на другой день хозяйке салона принесли от Пушкина альбом с мадригалом, она поначалу осталась очень довольна: описание ее красоты «до того было пленительно, что все красавицы Байрона не годились ей и в горничные»²⁷. Однако весь эффект был сведен на нет пометой в конце: «вместо должного числа, при похвальных стихах, было выставлено 1-е апреля»²⁸.

Образ владелицы альбома в воспоминаниях В. П. Горчакова откровенно утрирован, что надо оставить на совести автора мемуаров и рассказчика этой истории. Все же, по справедливому замечанию В. Э. Вацуро, этот анекдот вряд ли выдуман полностью: «...уверение Горчакова в его исторической достоверности должно быть принято во внимание уже хотя бы по общеизвестному благоговейному отношению Горчакова к памяти Пушкина»²⁹. Сам В. Э. Вацуро считал, что Пушкин, действительно, написал в альбом Волконской мадригальное послание — стихотворение «Среди рассеянной Москвы...» (даты «1 апреля» под ним в альбоме, разумеется, не стояло).

Можно, однако, предположить, что написанный по заказу Аделаиды (Зинаиды) Александровны мадригал — «Есть роза дивная...». Тогда, во всяком случае, яснее становится характер сохранившегося автографа ПД 901. Пушкин набросал стихотворение вчерне и, когда оно окончательно сложилось у него в голове, записал набело прямо в альбом. В конце 1826-го — 1827 г. Пушкин жил в Москве у Соболевского на

Пушкин и Горчаков встречались в Москве. В. Э. Вацуро, правда, высказывает предположение, что Горчаков мог узнать этот анекдот уже в 1840-х гг. от М. П. Погодина или С. А. Соболевского. Артистическая ирония всего рассказа, на наш взгляд, скорее всего указывает на Соболевского.

²⁶ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 238.

²⁷ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. С. 238.

²⁸ Там же. С. 246. Горчаков сообщает, что происходило все это «несколько лет позднее 20 года», при этом очевидно, что происходило все это не 1 апреля (эта дата была проставлена вместо «должного числа»).

²⁹ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 238.

Собачьей площадке. Создание мадригала, скорее всего, проходило в присутствии Соболевского, тут же и переписавшего стихотворение из альбома на оборот листка с черновиком. Черновик позволяет высказать догадку, что оно создавалось шутливо и иронично. Сначала Пушкин намеревался, видимо, сочинить сонет и написал заглавие: «Сонет». Слово это было им повторено в зеркальном отображении. Ниже нарисован мужской профиль явно карикатурного характера.

Возникает вопрос, как в этом случае относиться к рассказу Горчакова? Могла ли подобная история произойти на самом деле, и главное, могла ли героиней этой истории быть Волконская? В. Э. Вацуро в своей статье приводит ряд фактов, подводящих к выводу о том, что Пушкин «не питал враждебности к Волконской и ее кругу и сохранял с ним вполне лояльные и даже доброжелательные светские отношения. Но вместе с тем он сохранял и дистанцию»³⁰. Вполне достоверным представляется, что Пушкин (и не он один) мог позволить себе критический и даже резкий выпад в адрес Волконской из сочувствия к бедному Веневитинову или по иным причинам. Но едва ли подобный выпад мог быть публичным. Трудно представить, чтобы Пушкин позволил себе подобную колкость — вписать в альбом светской дамы, хозяйки знаменитого литературного салона мадригал с датой «1 апреля». Ведь он «отлично знал, что имеет дело не с враждебной, а с сочувствующей средой, и был связан с ней многообразными узами знакомства, светского этикета, литературно-художественных интересов и даже в какой-то мере политических симпатий»³¹.

И еще одно замечание. Предположим, стихотворение «Есть роза дивная...» писалось в альбом Волконской по ее просьбе. И даже если даты под ним в альбоме не было, то это само по себе вовсе не исключает, что стихотворение действительно по стечению обстоятельств могло быть написано 1 апреля. И это случайное совпадение (мадригал, который пишется в день «шутки» и «лжи») вполне могло дать повод к мистифицирующему рассказу Соболевского, вообще склонного к литературным розыгрышам, который впоследствии был достаточно прямодушно передан Горчаковым.

Вопрос остается открытым. Пушкинское стихотворение «Есть роза дивная...» не поддается однозначному толкованию. Но главный парадокс заключается в том, что невозможно точно определить время создания произведения, имеющего проставленную дату.

³⁰ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 231.

³¹ Там же. С. 240.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009